

г. Кагановичу Л. М.

134

г. Сталину

посылаю письмо Сафарова, кемповского из партии.

Каганович 118

ВЫСТУПЛЕНИЕ МАДЬЯРА НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО ФРУНЗЕНСКОГО РК ВКП/б/.

29/ХП-1934г.

Я признал перед партийной организацией и признаю перед Вами, что я поддерживал личные связи с Зиновьевым и другими участниками Зиновьевской оппозиции, в том числе и с Сафаровым. Я работал с ними в одном аппарате, я поддерживал с ними очень теплую личную дружбу.

Дальше, товарищи, я признал и признаю, что вел политические беседы с Зиновьевыми Сафаровым и на очень важные политические темы и вопросы.

Я заявил перед товарищами, что я человек, которому партия поручала весьма ответственные задания не мог обнаружить политической и организационной работы Зиновьевской группы, это характеризует отсутствие политического чутья, отсутствие политической бдительности и меня нужно осудить как дурака, который опаснее врага.

После ареста Сафарова я принял его домашнюю работницу и оказал материальную поддержку, но я ничего не скрыл, она приходила 18 числа, а 19-го я пошел в партийную организацию и т.Мифу заявил об этом, что я совершил антипартийный, антисоветский, контрреволюционный поступок. Получилось так, что домашняя работница сообщила мне, что она должна ехать в Ленинград, жена Сафарова на приехала, у нее нет денег. Органами Наркомвнудела было об"явлено, что можно передать арестованным что необходимо и я это сделал. На следующий же день я пошел в свою партийную организацию и заявил об этом, товарищи все эти факты знают от меня. О моих встречах и беседах не всё знают мне еще не дали все полностью сказать.

Этот акт материальной поддержки арестованному органами Наркомвнудела я характеризую как антипартийный, антисоветский, контрреволюционный.

Теперь, товарищи, я порвал со всякими оппозиционными политическими группами с 1928 года, с тех пор я проводил линию партии, боролся против оппозиции, но я считал возможным сочетать работу в партии с либерально-барской дружбой, личными отношениями с людьми, которых я очень хорошо знал.

На самом деле, я и очень хорошо знал Зиновьева, как человека умного и очень опасного, человека властолюбивого, как человека безграничного, безхарактерного и тем не менее поддерживал личные связи с ним, переоценил себя, несмотря на то, что Пятницкий предупреждал меня, но я говорил, что я переболел и Зиновьев не может меня заразить своей идеологией, но он уволок меня, как и Сафаров и потянул ме за собой в срам, в позор, в такое положение, что партия не может мне верить

С тех пор как я снова в 28 году в партии, я хорошо понял, что любая группа, любая фракция может привести только на другую сторону баррикад, но я не понял однако, что теперь при нынешней обстановке изменились формы и методы борьбы, в этом отношении я стал жертвой политического непонимания этих новых форм и методов работы Зиновьевской группы, теперь я начинаю понимать эти формы и методы. Раньше наши группы и организации выступали открыто, теперь по-иному. Но я это говорю не для того, чтобы оправдаться себя, а для того, чтобы сказать насколько я виновен. Меня партия неоднократно предупреждала и во время чистки, но очевидно в силу своего социального и политического прошлого у меня очень много мелко-буржуазного, барского индивидуализма и я этого не усвоил.

Я заявил перед товарищами и вчера перед общим партийным собранием, что за все преступления, за каждое в отдельности я заслуживаю быть исключенным из рядов ВКП/б/. Но я не признаю обвинений, которые выдвинули товарищи вчера против меня, будто-бы я прошу путевку в беспартийность, как будто-бы добиваюсь превращения себя из товарища в гражданина, чтобы меня выбросили из рядов партии.

Я думаю, товарищи, что я все же несколько лет принимал участие в Венгерском движении, хотя я почти 3 года боролся с партией, но в моем партийном прошлом есть не только позорные страницы.

Я не признаю обвинения, что я делал маневры, я не признаю, что я скрывал хоть что-нибудь перед партией и считаю неправомерным обвинение, что я не пошел сознательно на партийное собрание. Мой начальник меня предупредил, что нежелательно, чтобы я ходил в Коминтерн, я не ходил, мне был предоставлен дипломатический отпуск, чтобы я позанимался дома над проектами тезисов к 7-му конгрессу Коминтерна. В Коминтерн я ходил по двум случаям, когда я делал о том, что принял домработницу Сафарова и что я оказал материальную поддержку. Я не признаю, что я сознательно не явился на партийное собрание, партийная организация меня не предупредила и никто не может утверждать, что я хотел отсидеться, отмолчаться. На партийном собрании я выступил с полной оценкой прошлых колебаний, моего партийного прошлого.

Я не признаю и не признаю, что я воспользовался положением в Коминтерне для того, чтобы служить Зиновьевской оппозиции с тех пор, ^{как} что я снова на линии партии. Я не признаю самого страшного и главного обвинения, что я шел сознательно на обман партии, что я хочу хоть что-нибудь скрывать.

Разрешите заявить, как бы вы не решили мою партийную судьбу, у меня есть твердая решимость написать все, что я знаю. Я начинаю все больше и лучше понимать, что я стал жертвой новых форм и новых методов борьбы, они вовлекли меня, щупали и пытались использовать меня. Я хочу все сказать перед партией, для того, чтобы другие могли научиться вскрывать новые формы борьбы, как надо с людьми разговаривать и как они со мной разговаривали. Я достаточно развитой и грамотный политически человек, который имеет кое-какой опыт в этом отношении, имеет за собой известный опыт и фракционной борьбы

но как с полуслова с намеков можно прощупать, использовать людей. Я хочу правдиво, искренне, откровенно сказать ~~какая-нибудь~~ об этом. Я сказал своим партийным товарищам, но я понимаю, товарищи, трудно верить, невозможно, нельзя верить человеку бывшей Зиновьевской оппозиции, но как бы не решились мою партийную судьбу я совершенно точно, правдиво, искренне напишу о новых формах, новых методах борьбы, которые ведут к террористической борьбе, дам политическую оценку.

Я не признаю главного и основного, что вчера говорили товарищи, что я состоял в Зиновьевской оппозиции и после 28 года Я откровенно заявил, что я стою за политику партии, моя партийная работа проводилась довольно прилично в Коминтерне, я там занимался вопросами 22-х партий, участвовал в подготовке всех вопросов в конгрессе, я писал много в МК, был одним из активных работников МК, работал в центральных органах партии, писал во всех наших органах, считаю, что если в этих моих речах, в моих выступлениях хоть зернышко можно найти зиновьевской идеологии, попытки протаскивать зиновьевские установки, тогда вы меня выгоните из партии, чтобы я ни при каких условиях не мог вернуться. Этого нет и не могло быть. Тов. Котельников задал мне вопрос какие были встречи с Зиновьевым, идейные, или другие. Я боюсь вы меня не поймете. Но получается это просто, так же как постепенно восстанавливалась связь после второй ссылки Зиновьева Встреча в редакции "Большевик", пригласили меня для переговоров с Зиновьевым о создании иностранного отдела, так начались встречи Но в основном я вам говорю, что это было барско-либеральное сочетание службы партии с дружбой с людьми, главным образом, с Зиновьевым. Идейной общности не было. Не было у меня организационной связи с Зиновьевым, с зиновьевскими группами, с их периферией. Если она была, тогда меня надо выгнать, так, чтобы я никогда не мог вернуться в партию.

5.

Я хочу сказать, что я считаю, что я заслуживаю исключения за те преступления, но я хочу перед вами заявить, что я сознательно партию не обманул. Мне, товарищи, не все равно быть товарищем или гражданином, нет не все равно и я попытаюсь это доказать, что не все равно.

30/11 - 34.

Верно: Стученко